

Мы отдали со шляпу,
А взяли с целый сундук.
Мы отдали с сундук,
А взяли с целый амбар.
Мы приехали по рябчиковой дудочке,
Мы прибыли по тропинке векшей,
Мы прибыли сюда по такованью глухариному.
Мы вниз спустились на маленькой лодке,
А кверху поднялись на большой.
Войной пришли и взяли!
Целых десять недель ездили;
Ездили, да свое взяли!
Весь город там был,
Весь базар там стоял.
А мы только семеро пришли и взяли.

(Из Вятск. Губ. Ведом. 1838 и 1839 г. приб. №№ 1, 3, 5, 10 и 3)¹⁾).

Вотяки и черемисы²⁾.

Вотьяков в уезде больше, чем татар: ими заселен весь левый берег Вятки. Волости Старотрыкская, Уватуклинская, Вольпельгинская. Старокильмезская, Копкинская исключительно почти состоят из вотьяков.

Вотьяки малорослы в сравнении с русскими и татарами, худощавы и щедушны. или, как выражаются русские, сухопары; силой телесной они также не могут похвастать. Употребление кумышки и крепкого табака с детского возраста и наследственная почти в каждом семействе вотьячком сифилистическая болезнь истощают их силы и предрасполагают к преждевременной старости, так что вотьяку, находящемуся в тридцатилетнем возрасте, на взгляд можно дать иногда лет пятьдесят. Физиономия вотьяка вообще не привлекательна: лицо его всегда покрыто веснушками, которые сливаются иногда вместе и образуют неприятные для зрения смугловатые большие пятна. Проводя время большею частью в чуму, вотьяк страдает подслеповатостью; глаза его всегда загноены, и, от привычки ли к этому недугу, или от небрежения и неряшества, он не заботится даже обтирать гной с глаз. Рот его широк, а губы от постоянного употребления чилима, а может

¹⁾ В данном вып. «Трудов» Об-ва перепечатывается из «Памятн. кн. Вят. губ. на 1860 г.», стр. 159-166, с исправлением очевидных опечаток. Ф. С.

²⁾ Извлечение из статьи С. Осокина: «Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде, Вятской губернии», помещенной в жур. «Современник» за 1856 г., т. LIX и перепечатанной в «Вятск. Губ. Ведом.» за тот же год, №№ 8, 9 и 11.

быть, и от действия сифилиса, покрыты беловатою густою слюною. Волосы у вотяков никогда не чесаные; их они подстригают, по русскому крестьянскому манеру, в кружок; некоторые стригут гладко под гребенку; бород ни стригут, ни бреют, за то и не чешут. Походка вотяка медленная, вялая; он идет как будто нехотя и ступает неуклюже, как будто готов развалиться. Все в нем—лень, мешкотность, неповоротливость; не заметите ни одного движения, обнаруживающего силу или энергию. Я даже редко видел, чтоб вотяки бегали.

Умственные способности вотяков весьма тупы; они не имеют силы, нужной для самостоятельности человека. Оттого во всех, сколько-нибудь затруднительных, а иногда и вовсе не затруднительных, случаях жизни вотяки обращаются с просьбой наставления на истину к своему жрецу или какому-нибудь коштану, завладевшему у них общим мнением до того, что никто не приступает ни к какому делу, пока не испросит на то его разрешения.

Сношения вотяков с русским торговым и, следовательно, самым бойким и смышленным населением; по закупке в вотяцких деревнях предметов лесной промышленности, несколько не подвигают вперед это племя. Чтоб вотяка сделать смышленным и умным, надобно воспитывать на разумных началах с самого детства, пока глупые правила вотяцкого племени не привились к его быту и не сделались основой всех его действий.

Вотяки всегда суеверны. Многие не очень советстливые люди, пользуясь этим, наживали на них большие деньги. Вот случай. Пошли когда-то в ход табакерки с органчиками. Один пройдоха купил себе такую табакерку, прокрался ночью в лес, расположенный близ вотяцкого селения, где вотяки совершали свои жертвоприношения по обрядам языческим, выделал в огромном дереве место, куда можно было вкладывать табакерку так, чтоб ее и заметить было нельзя. В этой самой деревне жил коштан вотяцкий; а за коштанам водится пропасть разных грешков. Этого то коштана, или угрозой раскрыть перед кем следует все его плутни, или сделкою, пройдоха успел преклонить на свою сторону, и узнал через него, что вотяки в такой то день намерены приносить в лесу жертвы. Пройдоха отправляется туда, заводит органчик в то самое время, как вотяки входят в лес, и затем позлешно скрывается. Вотяки входят в лес, слышат незнакомые им, но вместе с тем приятные звуки. Под лад воображения, настроенного к чудесному, и под лад толкования, какое сделал этому происшествию коштан, сообщник пройдохи, они принимают песню табакерки за знамение, которое вздумал дать им божок

их в из'явление того, что остается доволен их приношениями. Приходят с жертвоприношениями в другой, в третий раз — та же история. Вотяки, в восторге. Но вот приходят в четвертый раз — музыки нет: видно жертва негодна божку. Спрашивают совета своего жреца. Тот идет в лес один узнать волю своего бога, возвращается и сказывает, что нужно принести в жертву белого быка. Режут быка, а знаменья все-таки нет, как нет. Тут влутывается в дело коштан и внушает вотякам мысль оставить на месте жертвоприношения несколько денег. Кладут денег. Приходят на другой день — органчик играет; они в следующие дни приносят денег больше и больше, органчик все играет. Разнеслась весть и по другим вотяцким деревням, что де в таком то лесу есть чудесные знаменья от божка, покровителя вотяков, и что этот лес он избрал местом жительства своего. Слух обходит волость, и народа стекается бездна, приношений, в особенности денежных, также множество. А владелец табакерки продолжает свою проделку в лесу до тех пор, пока не замечает, что усердие вотяков, по мере истощения и без того небогатых кошельков их начинает ослабевать. Тогда он переходит в другую волость, потом в третью и так далее. Таким образом, плут нажил, говорят, порядочный капиталец. Я слышал об этом происшествии от многих людей, заслуживающих полного доверия.

Вотяки в особенности оказываются легковерными в предметах, выходящих из сферы их старинных верований. Можно рассказывать вотякам какие угодно небылицы, и они примут их за чистую монету, если рассказчик будет вести речь серьезно, не смеясь тому, что сам рассказывает.

Мне случилось однажды, в продолжительный вояж, проездом через вотяцкую глушь, ночевать у вотяка, избу которого я занял по наряду деревенского выборного, потому что без выборного вотяки нигде не пустят ночевать, хоть замерзай среди улицы. Извозчик был у меня русский, балагур большой руки, и любил таки под час подтрунить над вотяками. Пока я возился с своим дорожным чемоданом да провиантом, ямщик мой подвинулся к вотяцкой семье, сидящей за столом и лакомившейся овсяной кашей, в которую на весь котел была, для вкусу, положена одна векша, и принялся подпускать хозяину турусы на колесах.

— А что, добрый, можно твоя хлеб ежить?—говорит он, стараясь подделаться под тот ломаный язык, которым вотяки говорят по-русски, а сам уж давно ломает да ест.

— Последняя каравай на стол тащил... да ну, уж ежи, отвечает вотяк.

— А есть у тебя, уром (друг) щи?

- Котле мал-мал (в котле немного) есь, да сами ежить...
- Других нет-ли? Этих мне не надо.
- Эвыл (нет).
- А курица?
- Эвыл.
- Хм Эко ты, право... а редька?
- Принесли редьку, огромнейшую, какая родится, кажется, у одних вотяков,
- Хороша, уром, у тебя редька.
- Корош, слау богу.
- И у нас нонечка редька...
- Корош же?
- Таки грех пожаловаться.
- А-а.
- Да уж будеча правду говорить, так это что у вас за редька.
- Ну-у.
- По нашим местам ..
- А где ваш место?
- Ну там, где ни есть... против неба, ни на земле, ни на воде... по нашим местам вот такая редька: как совсем, знаешь, поспеет, доспеют (поставят) над ней лабаз, приладят за нее вожжи, да и тащат одну то, напримерно, редьку, человека, знаешь, два. Насилу вытащат из земли.
- Ай-ай.
- Да так. Штук пять-шесть плохая лошадь вот как твоя, напримерно, ни за что не увезет, не обезсудь.
- Мой какой лошадь; тут надо лошадь корошо.
- Ну, а капуста есть?—продолжает мой извозчик.
- Уваня мал-мал. (Вотьяк никогда не скажет, что у него есть что-нибудь много).
- Вели тащить хозяйке.
- Вотьячка принесла вилок капусты.
- Капуста наш, уром, корошо?
- Уж капуста. Ты бы поглядел, у нас что за капуста. То-есть смотреть — того... глаза от дива эдак остолычишь. Вилка три-четыре как распластаешь, глядь—и наклалась кадка ведер в десять или пятнадцать.
- Ай-ай. Корошо ваш капуста. Пойдешь наша деревня, привози симо (семя)—деньга даем.
- Дай досказать, уром. Нам нонеча эта, побери ее, капуста на шею села.
- Олой, ой.
- Стали мы, знаешь, вырубать эту капусту, да покуда возить в яму. Три вилка клали на лошадь. Яма то была чод

навесом. Вот, знаешь, двое молодцов залезли на навес да и подают вилки на веревке третьему, что в яме стоит, принимает да укладывает их. Веревка была не то, чтобы старая, таки подержаная, признательно сказать: возьми да и оборвись с вилком-то... так беднягу, что в яме стоял, и задавило до смерти.

— Олой-олой, ой. Поди, вся деревня беда платил?

— Было таки... Так надо тебе семя-то? Необлыжно привезу, коли будет путь.

— Своя у нас короша капуста... А ста два поди давал беда? А?

— Не твое дело, — многозначительно сказал ямщик. — Так надо семя-то?

— Своя короша, — сказал вотяк, вставая из-за стола.

Если рассказчик засмеется сам над своим враньем, или засмеются его товарищи, тогда и вотяк засмеется нелепому рассказу, как будто бы он давно понимал шутку веселого собеседника, и с миной человека, понимающего вещи, заметит ему: „ай-ай, уром, смеять наш брат кочеш толик“ (только хочешь смеяться над нашим братом) И в вотяке видно усилие выказать себя умнее нежели он нсть на самом деле.

Молодые люди между вотяками не могут похвалиться строгою нравственностью. Это их господствующий порок. Отец и мать не преследуют дочь, если она начинает пошалить, и смотрят на шалости непостижимо равнодушно, не погрозят даже пальцем, если дочь их принесет двух-трех ребят. Во время святок и до самого великого поста в вотяцких селениях водятся посиделки, на которые сходятся по вечерам девки прясть коноплю и лен, и молодые неженатые парни — плесть ланты и балагурить. Кроме парней и девок на посиделках не бывает никого — хоть бы одна пожилая вотячка и пожилой вотяк для присмотра за молодыми людьми двух полов. Решительно никого. Да и самую избу для посиделок выбирают такую, в которой бы никто не жил, и в которую никогда не зайдут, в продолжении целой ночи, даже сами хозяева. Родители смотрят на все приключения, бывающие тут, как на дело ничего не значащее, и если принимают иногда их шалости к сердцу, то... Впрочем, не мешает представить пример, из которого ясно видно будет, каким образом вотяки принимают к сердцу шалости детей.

Приходит вечерком вотяк к вотяку покалякать о том, о сем. Доходит дело до искренней беседы.

— Ну, Селипон. Наша скоро родня с тобой станет, — говорит Лепот.

— Эк? — спрашивает Селипон.

— Во. Твой парень моя чум больше недели ходит. Видал я.

— Ера (хорошо, ладно), чеберь (прекрасно).

— Давай кумышка да чилим (табак).

И пьют и курят на радостях в том предположении, что селипонов парень, может быть, вправду полюбит лепотову дочь и впоследствии женится на ней.

Впрочем, если парень и переменит, что случается всегда, маршрут ночных путешествий и вместо лепотова чума будет посещать дрепимов, это обстоятельство несколько не имеет влияния на согласие и дружбу Селипона с Лепотом и не возбуждает вражды против Дрепима. Так принято.

Так то родители неженатых вотяков смотрят на шалости своих детей, как на дело позволительное, по их понятиям. Если девка, еще непросватанная, станет беременна, женихи к ней валом валят на двор, за тем, что вотяк считает для себя несчастьем иметь бесплодную жену. А беременная девка, очевидно, менее всего обещает занести такое несчастье в чум вотяка, который изберет ее себе женою.

Но, если вотяк до женитьбы развратен, то, женившись, совершенно переменяется и уж разве, разве иногда-иногда нарушит святость брака. То же надобно сказать и о женах. Вотяки рассуждают об этом так: „обзавелся бабой, так тут-де чужая не нужна“—вот и все.

Кроме тупости ума в вотяках замечен недостаток великодушных чувств. Вотяки не делают зла никому, но и не чувствуют удовольствия делать другим добро. Они никогда не накормят бедного, умирай хоть с голоду, если знают, что им беды от этого не будет, и не накормит потому только, что никто их к тому не принуждает, не обязывает.

Вотяки, несмотря на свое тупоумие, хитры, но, не будучи одарены от природы сметливостью, они хитрят иногда чрезвычайно наивно.

От сознания в себе умственного и телестного бессилия, они очень робки. Неповоротливость вотяков кого угодно выведет из терпения. Чаще всего случается терять его чиновникам, заезжающим в вотяцкую глушь по делам службы. Зато, если случается вотякам раздражать начальство (онитак называют каждого чиновника) и если это начальство вздумает без церемонии обнаружить свое раздражение, то страх их не имеет пределов.

— Эй, слышь, ты вотяцкая морда. Что у тебя шишка-то (форейтор, сидящий на передней лошади, в простонародии называется шишкою) ослеп, что ли, в который уж раз с доро-

ти сбивается. Да он и лошадью то совсем править не умеет. — кричит чиновник на кучера вотяка.

— Ослеп мал-мал он; не молода поспел (стар уже стал).

Стой, стой. Держи. Разве не видишь, образина, что он повозку в овраг ведет?

Остановились.

— Пошел, ямщик, дай шишке три горячих арапника.

Оторопевший вотяк-ямщик направляется с арапником к месту своего назначения, отсчитывает фореитору три горячих арапника и спокойно садится опять на облучек.

-- Какого это осла посадили в шишку?.. добро бы молодого... говорит чиновник.

— Это моя бачка.

— Родной?

— Родна.

— И у тебя поднялись на него руки? Что-ж ты мне не сказал?

— Опосля скажить станем.

Впрочем в пьяном состоянии вотяки обидчивы и дерзки.

Много толкуют о трезвости вотяков. Не знаю, можно ли отдать им в этом преимущество перед каким-нибудь другим племенем. Конечно, за исключением вотяцких праздников, редко можно встретить пьяного вотяка, но в каждый праздник—их бывает до восьми в год—вотяк пьет не на живот, а на смерть, и приходит наконец в какое то одурение, при котором теряет сознание дня на два, на три, и после того, как убитый, лежит вниз лицом сутки двое, пока выйдет дурь из головы. Вотяцкие оргии сопровождаются самыми безобразными беспутствами, обличающими упорную живучесть остатков язычества между вотяцким племенем. Во время праздников вотяки до того пьют и беспутничают, что всегда или, по крайней мере, большею частью подвергаются навождению их злого духа—Кереметя, то есть конвульсиям, которые они приписывают проделкам Кереметя, страшного охотника поломать и покорчить вотяков и черемис. После ломки, которую задаст Кереметь вотяку, последний отправляется в лес и там жертвоприношениями старается преклонить на милость своего немилосердного бога. Семь-восемь раз напиться в год до такой степени, чтоб за каждый раз терять сознание дня на два—на три, да возвращать его во столько же времени, пить и распутничать до такого истощения телесных сил, чтоб быть подвержену действию конвульсий, разве значит проводить жизнь трезвую.

Вотяки скупы и покупают только соль и табак, без которого не может обойтись ни один вотяк, ни одна вотячка: во-

тяки принимаются за чубук, кажется, тотчас после того, как бросят рожок или отстанут от груди. В домашнем быту довольствуются они собственными изделиями: телега, сани, упряжь, одежда, посуда, столы и проч.,—все делается у них домашними средствами. Употребления мыла вотяки не знают, и при промывке белья довольствуются золой и щелоком.

Муку вотяки никогда не просеивают и раствора не проквашивают; оттого хлеб у них бывает самого дурного качества, и, испеченный сегодня, он на другой день оказывается совершенно черствым и под ножом только крошится да ломается. Мясным харчем вотяки пробавляются только по праздникам и при жертвоприношениях, в другое время довольствуются одними огородными овощами, в числе которых главную роль играют капуста и редька. Из горячих кушаньев вотяки употребляют одну только кашу, в которую для запаха на целый котел, ведра в два, кладут векшу, много две, или зайца, из скупости, не всегда целого. Я помню, раз как то отведал этой каши. Какой запах! Какой вкус! По меньшей мере с час меня тошнило после приема одной столовой ложки, в которую, по несчастию, попал кусочек совершенно протухшей векши. Вотяки также большие охотники до толокна. Его употребляют разболтанное в сюкасе, обыкновенном их поиде, похожем на русский квас столько же, сколько голик походит на пук садовых цветов. Домашних птиц: гусей, уток, кур, вотяки держат, но употребляют их в пищу в виде лакомства, по старинному обычаю, сушеными и толчеными в порошок. Соленые грузди, которыми вотяки в урожайный год запасаются на всю зиму, едят они тоже в праздники или по случаю прибытия какого-нибудь гостя. Зато гость, кроме груздей, ничего и не ожидай: так как это блюдо высоко ценится вотяками, то они из всех сил стараются накормить им гостя до отвала. Кушанья подаются на стол в огромных чашах. Из охмеляющих напитков вотяки употребляют только кумышку и пиво. Кумышка на вкус очень неприятна, потому что сильно отзывается водой и имеет запах пригорелого вина. Пиво варить вотяки вовсе не умеют, тогда как черемисы, в особенности яранские, варят превосходное пиво. Вина вотяки не покупают, и потому в их селениях нет нигде кабаков.

Вотяки страшно ленивы; лень, по пословице, кажется, родилась с ними. По целым дням они лежат зимою на печи, а летом в чуму, переворачиваясь с боку на бок, и встают только для того, чтобы поесть и потом снова лечь. Их жены исправляют такие работы, которые у русских считаются не бабьими: ездят в лес за дровами, в луга за сеном, на гумна

за соломой и т. п. Впрочем, вотяки не всегда лежат на печи; свои наклонности к лени они удовлетворяют и другим образом: сойдутся после завтрака на улицу со всей деревни, припроятся где-нибудь возле забора, кто сидя, кто стоя, кто лежа, закуривают чилим и прохлаждаются на одном месте с утра до вечера, расходясь не надолго только во время обеда и паузинок. Такой припадок праздности и лени находит на вотяков в особенности по окончании полевых работ и в промежуток времени между посевом ярового и жатвою.

Бывает, находит лень и на русского мужика; но когда он принимается за работу, у него дело кипит в руках. Вотyak и в работе ленив и медлен: поставленный рядом с русским на полосе, вотyak нажинает целой третью меньше русского. Самый работающий из вотякой на работе сделает не больше отъявленного лентяя русского мужика. Нельзя без смеха смотреть на пешеходное путешествие вотяков, когда они совершают его ватагой человек в десять. В целый день они пройдут не более верст пятнадцати; на пятнадцати верстах прилягут для отдыха раз до пяти и отдыхают каждый раз по получасу, то есть, по столько времени, сколько нужно для того, чтоб выкурить трубку, набитую из экономии сырым табаком. Случается, при въезде в деревню, видишь, что вотяки снимаются с якоря и идут своей дорогой вдоль по селению. Пробыв в деревне час или полтора, отправляешься далее по той же дороге, по которой прошли вотяки, и наверное встречаешь их на лугу при самом выезде из селения, где они снова отдыхают и снова зажгли по трубке.

Вотяки, говорят, склонны к дружбе. И, действительно, они живут между собою согласно; но главный источник того — трусливость. При единодушии целой массы населения вотьяцкого, каждый вотyak чувствует себя спокойнее: он уверен, что соседи не выдадут его точно так же как и он никого из них не выдаст. Семерых вотяков не испугает один недобрый человек.

Избы вотьяцкие очень похожи на русские крестьянские.

Они делаются большею частью курные, с печью, битой из глины и помещаемую всегда налево от входа в избу. Света в этих избах немного, оттого что окна слишком малы. В чумах даже и совсем нет окон, а свет проникает кое-где в щели и в отверстие в крыше, устраиваемое для прохода дыма. В чумах не бывает ни печей, ни потолков, ни полов. Среди чума на земле всегда разложен огонь; над ним варят кашу или греют воду в котле, надеваемом на деревянный крюк; этот крюк прикрепляется к длинному шесту, а шест привязывается к верхней слеге у крыши. Дым от очага выходит в

назначенное ему отверстие тогда, когда ему становится тесно в чуме. Вотяки не любят ничего варить в печи, а кипятят все над огнем: для этого в избах у печи устраиваются горнушки, куда выгребают весь жар, и над ним вешают котел, почти всегда чугунный, на всегдашнем деревянном крюке. В избе, где живет вотяцкая семья, помещается во время зимы скот и домашние птицы; в той же избе квасятся овчины. От этого, в особенности от квасил, воздух очень тяжел. Одно только мне нравится у вотяков, что для каждой брачной четы в семействе строится особая клеть, где супруги хранят свое добро, и куда никто без их позволения не имеет права войти. Зато эти клетки строятся, как попало, и разбрасываются по ограде без всякого порядка, как и все строение. Службы и самые избы отделяются грубо; все у вотяков как то не отесано или не дотесано. Пильного леса не увидите почти ни на одной крыше. Для хранения дома вотяки держат помногу собак. Русскому мужику надоела его дворовая собака; ему надобно сбыть ее с рук, но бить или топить жалко. Куда девать? Он предлагает собаку первому попавшемуся на глаза вотяку, и тот никогда не отказывается от столь драгоценного подарка. Зато, уж если случится вам проехать по вотяцкой деревне, то звону в ушах от лая сотни собак, преследовавших ваш экипаж, достанет верст на пять, то есть ровно до следующей вотяцкой деревни, где вы встретите снова такой же собачий базар, и где, верно, снова запасетесь звоном в ушах.

Одежда вотяков мужчин состоит из белого или серого понитка, редко не измаранного или не изодранного. Пониток шьется без воротника, с гладкою спинкою; длина его большею частью по колени. Опоясываются они ремненным поясом с пряжкой, довольно толстым, шириною около двух третей вершка. К одной стороне пояса приделывается кожаная сумка для вкладывания небольшого ножа, а к другой — скобка, для вкладывания топора. Исподнюю одежду носят конопляную, онучи шерстяные, черного цвета. По рубашке подпоясываются плетеным из ниток поясом.

Женщины в летнее время ходят в одних белых конопляных рубашках, в таких же портах, а зимой сверх рубашки надевают пониток, отличающийся множеством сборов, которые все собираются назади, пониже коротенькой гладкой спинки. Повязку на голове незамужние употребляют из белой конопляной холстины; под ней надевают чепчик в виде шапки, натягивая его до самых бровей. Перед этого чехла унизан монетою всякого достоинства или вычеканенными из олова кружками, похожими с виду на монету. Девицы на голову наде-

вают свой холстинный платок так, чтоб он не закрывал лба. Замужние повязкой закрывают весь лоб и уши, завязывая концы платка на затылке. В праздники замужние вотячки надевают айшон-род кивера, сплюснутого вверху. Он спереди сплошь унизан серебряною мелкою монетою и вышиной бывает более полуаршина. В ушах носят серьги из толстой железной проволоки; к серьгам прикрепляется концами нитка, спускающаяся до пояса на которой у иных щеголих висит целковых по двадцати. От такой тяжести, лежащей на хрящах ушей, отверстия в них для вкладывания серег деляются безобразно велики, и самые уши вытягиваются. На шею надевают ожерелье из стеклянных цветных бус собственного изделия или из монет, а на кисти рук — металлические запястья, большею частью жестяные, редко серебряные. К косе у незамужних прикрепляется нитка с монетами. Вообще вотячки очень любят украшения из серебряных денег. Благодаря постоянству вотяцких мод, эти украшения переходят от матери к дочери, от дочери к внучке и так далее через несколько поколений. Не у многих эти украшения серебряные, а большею частью они или оловянные, или свинцовые.

В приготовлении пищи, в столовой и другой посуде вотячки не соблюдают никакой опрятности. Теми же ведрами, которыми выносят помой из лохани и из корыт, и в которых таскают смоченное в золяной воде, непромытое белье, они носят воду на суюкас и домашнююстряпню. Ложки и ставцы моют в той же лохани, над которой умываются и из которой поят скотину. На замечание о такой неопрятности, они обыкновенно отвечают: „живет нам, бруко не лопнет“ (живет нам, брюхо не лопнет). Взяв из под лавки чашку, из которой ели кошки и собаки, и, сполоснув ее помоями, а иногда и вовсе ничем не сполоснув, если кошки и собаки вылизали все до чиста, хозяйка вотяцкой семьи наливает в нее каши или сквашенного молока и подает на стол. Мышь, упавшая в жбан с суюкасем или в корчагу с молоком и околевшая тут, не поганит ни молока, ни суюкасы.

Вотячки в Малмыжском уезде почти все считаются крещеными, но придерживаются прежних своих языческих верований, поклоняются в лесах своему богу Инмару и злему духу, которого величают Шайтаном и Кереметем. У черемис добрый бог называется Юмо. Но, плохие христиане, вотячки не могут быть и хорошими язычниками: из обрядов языческих они соблюдают только те, которые им нравятся. Старые верования слились у них с новыми, и они даже в языческие обряды перенесли некоторые христианские обыкновения, — таково, например: употребление при языческих жертвоприношениях

восковых свеч и святых икон, перед которыми они, впрочем, молятся в шапках, не ограждая себя крестным знаменем:

Праздники языческие у вотяков можно назвать одни домашними когда они совершают языческое моление дома в кругу своего семейства, а другие — общественными, когда это моление совершается при сходе одного или нескольких селений в назначенном месте.

Накануне домашнего праздника вотяцкая семья моется в бане. В день праздника хозяйка начинает печь блины. Тогда домохозяин встает с места, подпоясывается сверх понитка кожаным ремнем, одевает шапку, зажигает восковую собственного изделия свечу, ставит ее в передний угол, потом берет блин со сковороды, кладет его в деревянную чашку, с нею становится лицом к переднему углу, кланяется, не снимая шапки, и просит у своего бога здоровья себе и своей семье, прибыли скота, хлеба и прочих потребностей жизни. Потом он берет из чашки блин, рвет его и бросает по частям в печь в огонь. Затем та же история с говядиной, с редькой и всеми родами домашнего съестного. Наконец, после повторенного моления, вотьяк плещет в огонь кумышку, приготовляемой к каждому празднику в довольном количестве. В заключение все садятся за стол, едят мясо и пьют кумышку из маленьких деревянных чашек. Перед каждым членом семейства, в продолжении целого обеда, стоит такая деревянная чашечка, безпрестанно наполняемая кумышкою. Потом вотяки начинают переходить из дома в дом, угощаются взаимно друг у друга угощают и всякого пришлого: под хмельком они щедры, только не на деньги. Таким образом, вотяки пируют около 3—4 дней, а иногда и более, и в продолжении всего этого времени, день и ночь, от мала до велика, все, и мужики, и бабы, и девки, и парни и маленькие ребята, бывают пьяны.

Но будь у вотяка нагнана кумышка, зарезан баран или бык и приготовлено к празднику все, как следует, и приди в это время самый лучший дорогой для него гость, он ничего не почтет для гостя, если над приготовленным к празднику не совершил своего обряда моления.

Для праздника общественного приготовлений бывает гораздо более. В назначенное время, — обыкновенно после ярового посева, и в другой раз после окончания жатвы, собираются вотяки из нескольких селений и приводят или привозят из каждой деревни, для принесения в жертву, какоенибудь животное, по назначению жреца. Между многими обязанностями, соединенными с жрецеским званием, одна особенно важна: в исправности передавать вотякам, чего хочет от них бог их. Перед общественным праздником жрец непременно

отправляется в лес, чтоб узнать там волю бога, возвращается оттуда и рассказывает внимательным к нему простокам, что видел там, как бог промчался по лесу, на подобие вихря, например, хотя бы на белом быке верхом. Догадливые вотяки тотчас смекают, что таким явлением бог указывает на животное, которое должно быть принесено ему в жертву, и что поэтому нужно ему приобрести белого быка. Если жрец скажет, что видел бога на черном баране или на сером гусе, значит надобно везти с их деревни в жертву черного барана или серого гуся. При этом случае жрец намекает большею частью на животное, находящееся в его собственном хлеву, которое хочется ему сдать в тридорога, благодаря тому доверию, какое тупоумные питают к его сказкам. Животных, приготовленных к жертвоприношению в месте, для этого назначенном, подводят к костру, потом жрец колет животных и кровь выпускает в корыта; небольшую часть крови и мяса, при всеобщем (в шапках) молении, как и на домашнем празднике, бросает он в огонь и поплескивает ложкою туда же кумышки. Затем все сошедшиеся на праздник вотяки хором поют и пляшут вокруг костра. Окончив пение и пляску, принимаются за колотых животных, потрошат их, несколько кишек развешивают по деревьям для своего бога, и в особенности сердца животных, как любимейшее его кушанье, непременно раскладывают на деревьях. Потом очищенное мясо варят, пекут, жарят и едят с таким аппетитом, который делает честь их желудку, и, разумеется, не кладут похулки также на чашку кумышки и на ковш с пивом. На праздник вотяки вытаскивают из заветной пыли и надевают лучшее свое платье, разезжают на парах, на тройках, на четвертках с таким шумом и гамом, на какой может смотреть с удовольствием только их шайтан. По окончании праздника, продолжающегося около недели, оставшееся от потребления мясо покупает какой-нибудь зажиточный вотяк для домашнего употребления, а брошенные кишки беднейшие вотяки развозят по домам, вычищают их, начинают запекшеюся в корытах кровью и едят во славу своего Керемета.

При жинитьбе вотяка главную роль играет калым, или выговоренная от жениха плата за невесту. Калымом пользуются родители невесты или родственники, ее воспитавшие. При сватовстве или уговоре о количестве калыма, присутствие жениха не считается необходимостью: отец его или за неимением отца, ближайший родственник, по предварительном совещании с женихом, является в дом невесты с предложением. Пока жених не выплатит калыма, кому следует, невеста не венчается с ним, но это ничего: был бы заключен уговор

насчет калыма, да невестою получен порядочный задаток, обеспечивающий ей верность брачного союза с присватавшимся женихом,—а ездить жениху к своей невесте с тем, чтоб заблаговременно привыкнуть к исправлению должности мужа, никто не помешает, так что по выплате калыма, года иногда через два или три, невеста вотяка после свадьбы приводит к мужу в дом двоих-троих детей, нажитых от него. В день самой свадьбы жених со всем поездом, составленным из его близких родственников, приезжает в дом невесты. Поезжан невеста дарит обрывками холста, длиною в аршин или немного поболее. Концы этих холщевых отрывков украшены довольно широкими вышивками. Деверьев, если они есть дарят от невесты сорочками, тем же дарят и отца женихова, с прибавкою разве холщевое платка с нашивками. Потом девки, подружки невесты, выводят ее на двор, чтобы посадить в женихов экипаж. И у вотяков есть свои приличия, свято соблюдаемые при известных церемониях, сколько бы ни противоречили обстоятельствам и существу дела. В то время, как девки выводят невесту из дома отца, она несмотря на свое давнишнее короткое знакомство с женихом, показывает вид, что вовсе не расположена за него выйти замуж, не идет на улицу, упирается всеми силами, бьет и кусает своих вожатых и ревет, на сколько хватит легких. Усадив невесту в сани или телегу (смотря по времени года), рядом с женихом, девки оставляют ее на попечение жениху, который в сопровождении целого поезда привозит ее домой и, там наподчивав досыта кумышкой, пивом и табаком, везет наконец к венцу. Во весь день свадьбы невеста-вотячка бывает в красной суконной шапке, опушенной лисицею или мерлушкой и только в церкви снимает ее во время совершения таинства. После венчания отправляются все опять в дом жениха и там проводят время, как в обыкновенные свои ираздники, без всяких особенных затей.

Из музыкальных инструментов у вотяков в употреблении волынка, правильнее ими называемая пузырем, и гусли небольшого размера, которые вотяки, во время игры держат на коленях. Гусли делаются в виде треугольника, с деревянными колками и бараньими струнами.

♥ Песней постоянных нет у вотяков. Их песенники импровизаторы, они что видят, то и воспевают: завидели лес, поют про лес, завидели реку, поют про реку, а если нет под рукою ни лесу, ни реки, поют про кобылу, которая везет их и импровизацию повершают горячим ударом арапника по бедной кляче. Затем по очереди воспеваются и арапник и самый удар арапника. После каждого куплета вотяки припевают:

ай-ио-ио, ай-ий-йю и больше ничего. Все их импровизированные песни поются на один манер, по одному мотиву. Столько же разнообразия и в игре их на волынке и гусях.

Любопытно поминовение по усопшим, производимое вотяками по языческим обрядам. Домохозяин берет самое худое лубяное лукошко, негодное ни для какого употребления, кладет в него всех сортов костей, оглоданных, после самих вотяков свиньями и собаками, черствую корку хлеба и пучок соломы; ставит лукошко на стол и зажигает две восковые свечи, из них одну прикрепляет к краю лукошка, а другую ставит на порог избы; потом берет лукошко в руки и стоя в шапке кланяется в передний угол. Вместе с ним кланяется и вся его семья, бормоча про себя молитвы богу, чтобы он не морил усопшего голодом и холодом. По окончании моления хозяин переносит через свечу, поставленную на пороге, лукошко с костями и коркою хлеба и зажигает свечою пук соломы, который торчит из лукошка. Затем всею семьею с таким огнем в лукошке отправляются в лес, где вешают лукошко на дерево, а сами идут домой в уверенности, что принесли усопшему и пищи, и тепла и что исполнили в отношении к нему свой долг, как нельзя добросовестнее.

Сказав все, что знаю о вотяках, не могу почти ничего нового сказать о черемисах. Эти два племени, кажется совершенно довольно одно другим. Языческие обряды, посредственность умственных способностей, нравственные наклонности, образ жизни и т. п., у черемис почти такие же, как и у вотяков. Черемисам, впрочем, надобно дать преимущество перед вотяками в пьянстве. Есть еще особенность: вотяки при жертвоприношениях право заколоть животных предоставляют жрецам, а у черемис это делается не так: животное приготовленное для жертвы, колот все, сколько есть народу, каждый своим ножом, всегда торчащим у ременного пояса, не разбирая места у жертвы, куда попадет нож: в бедро-ли, в бок, в шею или голову.

